

Валерий ШЕЛЕГОВ

Канск

Валерий Николаевич Шелегов родился 13 декабря 1953 года в Канске. В 1969 году поступил в Томский геологоразведочный техникум. В 1972 году улетел работать в Магадан. В 1996 году вернулся на родину, в Канск. Прозаик, поэт, публицист. Выпускник Литературного института имени А. М. Горького в Москве. Первый рассказ «Санька — добрая душа» был опубликован в 1984 году в журнале «Дальний Восток» № 4. Автор книг «Ленские подснежники», «Зелёный иней», «Пока горит костёр Звезды небесной», «На Индигирке», «Оймяконский меридиан». Книга прозы «Луна в Водолее» в 2008 году отмечена Союзом писателей России — национальной премией «Имперская культура» имени Эдуарда Володина. Член Союза писателей СССР.

СВЕТЛЫЙ РАССКАЗ

Люди минувшей эпохи. Вспомнил декабрь. В мае я похоронил отца. Семья моя на Индигирке. Задержался с отъездом в Усть-Неру. 1993 год. Красноярск. У писателей на Енисее имелся тогда роскошный Дом писателя на Мира, 3. И мы, иногородние литераторы, не знали проблем с ночёвкой, если после ежегодного — очередного — «отчётно-выборного» собрания, после шумного и дружного застолья, оставались досыпать ночь в кабинете секретаря.

Мне что-то невесело было в тот декабрьский вечер. В октябре из танков в Москве расстреляли Верховный Совет РСФСР. Расстреляли законную Конституцию и советскую власть. Нет причин веселиться. Жизнь предстояла нелёгкая. Контра нагло прибирала к своим кровавым рукам все сферы жизни. Даже пиво не пригубил в прощальном писательском застолье. Ехать надо в Канск ночным поездом. Но денег на билет нет. Автобусы ещё работали в городе. Добрался. На железнодорожном вокзале слонялся, ждал очередной проходящий пассажирский поезд на восток. В советское время покажешь писательский билет проводнику — пустит в вагон и без билета. В «отделе перевозок» не было случая отказа и у лётчиков, если надо было лететь из Якутска в Чокурдах. С удовольствием брали писателей пассажиром.

В два ночи пришёл к перрону почтово-багажный. Прошло всего два года после 1991-го, ГКЧП. И как изменилась

жизнь к декабрю 1993-го! Проводницы — все нерусские, многие и говорят плохо на русском. Ни одна не пустила: «Плати!» Это эти «студентки» усвоили.

Поезд ушёл на восток. И мне стало ясно, что без денег я не уеду. Просить? В голову не пришло. На мне был золотой нательный крест. Слоняясь по вокзалу, присматривался к лицам продавщиц ночных ларьков. Одной я предложил купить крест за пять тысяч. Деньги тогда исчислялись в миллионах. Билет до Канска стоил четыре тысячи двести рублей.

Крест продавщица купила. Я приобрёл билет в железнодорожной кассе на утрешний поезд. Вышел на ночную при вокзальную площадь. Отошёл в сторонку ночной стоянки троллейбусов. Водитель крайнего троллейбуса закусывал бутербродом, приветливо поздоровался, подняв литровый термос с чаем. Я остановился под фонарным столбом. Опустил глаза на утоптаный снег под неоновым светом. Не поверил своим глазам: две голубеньких банкноты по двести рублей, а поперёк их, составляя крест, — бумажка в пять тысяч. Я поднял деньги и огляделся: троллейбуса нет! Только же стоял. Бегом пошёл в ларёк к продавщице. Она воскликнула:

— Слава Богу! Вы ушли, а мне плохо стало. Заберите свой крест.

Я отдал ей пять тысяч и не стал ничего объяснять.

Красноярские писатели. 80-е годы XX века

О МЕДВЕДЯХ

Рано или поздно приходит раскаяние.

В молодые годы я охотился на медведя не с фотоаппаратом, а с карабином, третьего медведя убили с напарником ночью при луне, когда он шёл по сухому руслу ручья к лесной терраске, где мы готовились прилечь в скрадок. Я услышал его сопение за двадцать пять шагов. Напарником моим был оленевод-эвен, мой ровесник двадцати лет.

Шепчу ему: «Идёт». — «Вижу», — отвечает. «Подпустим ближе», — шепчу ему.

Терпения хватило, подпустили и разом выстрелили.

У меня было ружьё ТОЗ-34, в патрон я досыпал порох — усиливал для пуль. Старый медведь был мощным, вся картечь застряла в мышцах груди. Пуля прошла между ушей в хребет позвоночника и обездвижила медведя. Мой напарник-эвен первым выстрелом из карабина попал в башку медведя.

Медведь. Иньяли, 1978 год

Прошло много лет, и я часто наедине, размышляя о своих «охотничьих» добытых зверях, искренне каюсь о содеянном, и жалко было до слёз убитых сохатых и трёх медведей. После этой ночной охоты в 1978 году на Иньяли дал зарок не убивать медведей и лосей. И слово своё

я сдержал, до работы охотоведом зайцев добывал. А стал работать охотоведом Оймяконского района — отказался стрелять и по зайцам. Подарил ТОЗ-34 другу. И с тех далёких лет не беру в руки оружие.

Медведь очень опасен и коварен в неволе. Много увечий рук получают люди и дети от медведей в клетках, если решётки клетки позволяют медведю высовывать лапы за клетку между прутьев.